

Глава 8. Ночная беседа за чашкой чая. Воспоминания учителя и учеников

Накануне Чжу и Сююй, уловив в игре учителя Шао фальшивые, тревожные ноты, поняли: в его обители что-то стряслось. Не раздумывая, они решили разузнать, в чём дело. Цзя Чжу скользнул к себе в комнату и вернулся со стеклянным фонарём в форме гортензии. В столь поздний час сад пустовал, и всё же юноши благоразумно свернули на глухие, заросшие тропинки. Показываться на мостиках и в открытых беседках, рискуя наткнуться на ночной дозор и навлечь на себя лишние подозрения, им совсем не хотелось. Проведай о полуночной прогулке Линь Хай или Цзя Минь, юнцам точно не поздоровилось бы.

Крадучись и шарахаясь от теней, они благополучно миновали слуг и добрались до уединенного дворика господина Шао. К этому времени звуки циня окончательно затихли. В воцарившейся ночной тишине до них вдруг донёсся резкий, свистящий гул рассекаемого металла. Подростки замерли на пороге, заворожённые представшей взору картиной.

На фоне чернильно-чёрного неба метался, кружился и взмывал вверх силуэт в ослепительно-белых, точно иней, одеждах. Звон, встревоживший их, оказался свистом клинка. Он кружился в безумном танце с длинным мечом в руках. Лунный свет, струившийся с небес подобно прозрачной воде, казалось, разлетался на тысячи осколков под ударами стали. Холодные блики текли живой рекой, ловя и отражая это сияние. Лица мечника в полумраке было не разглядеть, но каждое его движение завораживало грацией резвящегося в волнах дракона и стремительной силой сокола, пикирующего с заоблачной выси.

Сююй, совершенно заворожённый этим зрелищем, не удержался и вполголоса продекламировал:

Всполохи стали пронзают ночной туман,

Белым вихрем взмывается снежный буран.

Словно гибкая кобра в лунном огне —

Это юноша статный кружит в тишине.

Едва затих голос Сююя, как из дверей дома, заложив руки за спину, неторопливо вышел сам Шао Инлинь.

— В такой поздний час? — спросил он, окинув их взглядом. — Почему вы ещё не в постелях? Что привело вас сюда?

— Мы услышали, как учитель играет на цине, — первым отозвался Цзя Чжу. — Поняли, что вы ещё не спите, и решили напроситься на чашку чая. Кто же знал, что нам посчастливится застать такое чудо...

Мечник тем временем остановился и замер поодаль, не проронив ни звука. Инлинь вздохнул: он понимал, что без долгого разговора любопытство учеников не утолить.

— Ночь на дворе, прохладно, — негромко проговорил он. — Ступайте в дом. — Затем повернулся к молчаливой фигуре: — Цзинь-эр, ты тоже заходи.

Все четверо вошли в комнату. Цзя Чжу и Сююй устроились на стульях, а мечник, не чинясь, взобрался прямо на кан и уселся подле Инлиня, скрестив ноги. Шао Цзюнь как раз подрезал фитили, и пламя свечей разгорелось ярче, заливая комнату тёплым светом. Инлинь велел слуге налить чаю. Только теперь, при нормальном освещении, юноши смогли хорошенько разглядеть незнакомца — и у них перехватило дыхание. Он казался не земным жителем, а сошедшим с небес небожителем.

Одеяние его не походило ни на платье учёного конфуцианца, ни на одежду простолюдина. На вид юноше было не более двадцати лет. Свободные одежды цвета спелого инея подчёркивали его тонкую талию и высокий, стройный стан. Его лицо словно вылепили из чистейшего снега и высекли из холодного лунного нефрита. В разрезе глаз, чистых, точно осенняя вода, таилась едва уловимая, завораживающая глубина. Он был бесстрастен, взгляд дышал леденящим равнодушием, но в этой абсолютной холодности крылась непостижимая, ослепительная красота. Он казался первозданным, словно свежавывающий снег, и утончённым, будто питался одним лишь утренним туманом. Лишь мертвенная бледность кожи нарушала этот безупречный облик, выдавая следы застарелого недуга.

— Зовут меня Су Цзэцзинь, в монашестве принял имя Ванчэнь. Я оберегаю покой господина Шао, — заговорил юноша. Голос его журчал, точно мартовский ручей — чисто, прохладно и на редкость благозвучно.

Юноши переглянулись, растерявшись и не зная, как к нему обращаться. Гость представился более чем странно. Раз есть имя и фамилия — значит, рождён в благородной семье. Однако вежливого имени у него не было, лишь даосское прозвище, что выдавало в нём человека, отрёкшегося от суетного мира. Но если он всего лишь телохранитель Шао Инлиня, почему держится с ним как с равным и сидит по правую руку на хозяйском кане?

Заметив их замешательство, Инлинь мягко усмехнулся:

— Полно тебе шутить, Цзинь-эр. Какой из тебя слуга? — Он повернулся к ученикам. — Я и не думал ничего скрывать от вас, мальчики. На днях истинный человек Гэ, настоятель храма Чунсуй, покинул этот бренный мир и вознёсся к бессмертным. Цзинь-эр — его приёмный сын. Он уезжал в обитель, дабы исполнить сыновний долг и устроить похороны, а сегодня вернулся в столицу. Из-за крайне редкого телесного недуга ему тяжело подолгу находиться на людях...

Выслушав учителя, Сююй первым поднялся и почтительно поклонился:

— Так вы почтенный даос Ванчэнь? Простите ученику мою безрассудную дерзость.

Су Цзэцзинь слегка склонил голову в ответном жесте, безмолвно давая понять, что условности ни к чему.

История же дружбы и глубокой привязанности между Су Цзэцзином и Шао Инлинем уходила корнями в далёкое прошлое.

Родился Цзэцзинь в семье знатного чиновника и был сыном наложницы. Его матушка, любимица главы семейства, славилась редким изяществом и кротким нравом, из-за чего законная супруга исходила жгучей завистью. Беда пришла, едва младенец появился на свет: из материнского чрева он вынес лютый яд, обрёкший его на редкий недуг. Стоило лучам солнца коснуться нежной кожи младенца, как её тут же покрывали багровые, сочащиеся язвы, не сходившие месяцами. Как назло, в те же дни занемогла и вскоре преставилась старая хозяйка дома. Законная жена ухватилась за этот предлог и объявила новорождённого исчадием тьмы, проклятым уродом, приносящим несчастья. По её приказу младенца вывезли за город и бросили в глуши, а несчастную мать выставили вон из усадьбы.

На его счастье, мимо тех мест проезжал настоятель храма Чунсуй, бессмертный старец Гэ Фан. Он подобрал сироту, нарёк его Ванчэнем и вырастил как собственного сына. Хотя настоятель и дал мальчику приют в святых стенах, насильно постригать в монахи не стал. Ванчэнь рос свободным от строгих канонов: не чурался вина, хоть и привык к скромной монастырской пище. Заметив в приёмыше тягу к искусству меча, Гэ Фан обучил его тайным техникам самообороны. Так Цзэцзинь и вырос — ни послушник, ни мирянин, ни бродячий воин. Но даже великий мудрец не знал, как исцелить его диковинную хворь. Долгие годы лицо и тело юноши уродовали страшные багровые пятна, отпугивающие любого, кто решался на него взглянуть.

В юности Шао Инлинь много странствовал ради учения. Судьба забросила его на юг, в провинцию Гуандун, где у подножия священных гор Лофу он сошёлся с настоятелем Гэ Фаном. Они часами спорили о сути Дао. Гэ Фан видел в молодом учёном глубокую мудрость и даже звал его принять постриг. Инлинь отказался, однако время, проведённое в тихой обители, заронило в его душу зерно отрешённости от мирской суеты. Там же он впервые увидел шестнадцатилетнего Цзэцзиня. Узнав о горькой доле юноши, Инлинь не отшатнулся от него, как прочие, почитавшие его за чудовище, а проникся глубоким сочувствием.

К счастью, Инлинь отлично разбирался в целебных снадобьях. Он составил особую мазь, которая хоть и не выжгла недуг до конца, но очистила кожу юноши от уродливых багровых язв. И когда язвы сошли, пред взором Инлиня предстал лик чистый и безупречный, подобно хрустальному кубку в сиянии осенней луны. Покидая храм Чунсуй, потрясенный Инлинь оставил на стене кельи Цзэцзиня прощальные строки:

Твой дом за гранью облаков, вдали от суеты мирской,

Судьбы безжалостной удар нарушил твой земной покой.

Испив из ледяных ключей, ты воспарish к святым векам,

И тень твоя, забыв тоску, пойдёт моим путём земным.

Время летело стрелой. Спустя годы Инлиня назначили уездным судьёй в глухие горные края провинции Хубэй. То была Богом забытая глушь — бездорожье, отвесные скалы да нищета. Оторванный от родных мест, потерявший к тому времени всех близких, Инлинь прибыл к месту службы лишь со старым слугой Шао Цзюнем да отроком Тинцинем. Одолевавшую его тоску и горечь одиночества не с кем было разделить. И вдруг посреди этой беспросветности на пороге его управы возник путник, преодолевший пешком тысячи ли через крутые горные кручи. Это был Цзэцзинь. Он тихо произнёс, что желает провести остаток дней подле Инлиня, разделяя с ним любые невзгоды. В тот миг суровый муж не сдержал слёз, и они хлынули по его щекам, орошая одежды.

С тех пор, куда бы ни заносила Инлиня судьба — на юг ли, на север, — его верный спутник неизменно следовал за ним. Решение Инлиня перебраться в столицу и поселиться в поместье Линь было продиктовано заботой о Цзэцзине: скитания давались тому тяжело. Его кожа по-прежнему не выносила солнечного света, и малейший луч грозил вернуть ужасный недуг. Су Цзэцзинь выходил наружу лишь по ночам, а днём, если того требовали обстоятельства, прятал лицо под бамбуковой шляпой с густой чёрной вуалью. Оттого-то его кожа и казалась прозрачно-белой, тронутой болезненной бледностью. Из-за своего затворничества он дичился людей и не умел вести светские беседы. Если бы не весть о кончине названного отца, заставившая его спешно отбыть на гору Лофу, он ни на миг не покинул бы Инлиня.

Выслушав эту исповедь, Чжу и Сююй вновь взглянули на безмолвного гостя, но уже с глубоким, благоговейным почтением. Столь юный, а сколько невзгод и горестей выпало на его долю! Не будь рядом этого преданного сердца, увядающие годы учителя Шао наверняка оказались бы куда беспросветнее и печальнее.

Пока юноши молчали, погружённые в свои мысли, Инлинь негромко напел:

Ряску гонит волна, тает призрачный дым,

Грустных слов не ищи к путям неземным.

Сладок сон, но краток, а скорби не счесть,

И в холодную полночь сна не обрести.

Окончив читать, он тяжело вздохнул и продолжил:

— Полжизни я, Шао Инлинь, скитался неприкаянным, встретив унылую старость вдали от дома. Судьба щедро осыпала меня невзгодами и лишениями. И всё же небеса сжалились надо мной, послав Цзинь-эра. Теперь мне не нужны ни лавры великих мудрецов, ни шёлковые полога красавиц... Все учения твердят: «Нет сущего вне разума». Для меня же это значит лишь одно: в подлунном мире истинно лишь то, к чему лежит твоё сердце и где обитает твоя

любовь...

Сююй долго молчал, переваривая услышанное, после чего негромко произнёс:

— «Нет сущего вне разума»... Ваши слова полны глубокой истины, учитель. Я сберегу их в своём сердце.

Цзя Чжу же лукаво прищурился. Кто бы мог подумать, что внезапно объявившийся молодой господин Су окажется для их наставника столь близким человеком? Воистину, пути судьбы неисповедимы.

— Ученик осмелится задать один вопрос, — заговорил Чжу, глядя на Инлиня. — Уж не знаю, простит ли мне учитель мою дерзость...

— Спрашивай, раз приспичило, — отозвался Инлинь с мягкой улыбкой.

— Если мои слова покажутся вам или молодому господину Су неподобающими, умоляю не судить строго, — почтительно склонил голову Чжу. — Как-то раз дядя Линь обмолвился, что в былые годы учитель сыграл на цине знаменитую мелодию «Феникс ищет феникса». Тогда никто не знал, кому предназначалась песнь любви. Позволительно ли теперь мне думать, что в ту ночь ваши помыслы стремились именно к господину Су?

— С чего ты это взял? — забавляясь, приподнял бровь Инлинь.

— Смею думать, что ни вы, ни господин Су не скованы цепями мещанских условностей, — с готовностью пояснил Чжу. — Ваши строки: «Твой дом за гранью облаков, вдали от суеты мирской» ярко показывают нежелание следовать избитым канонам. Вы писали о нём, но втайне мерили эти слова по себе. А заключение о «тени, идущей следом» выдавало глубокую тоску по родной душе. Должно быть, господин Су прочёл сокрытое между строк, оттого и поспешил к вам, презрев любые преграды...

Тут уж и до Сююя дошёл сокровенный смысл их союза. Прежде он и помыслить не мог о подобной связи между наставником и его спутником, но теперь пелена спала с его глаз.

— Так вот оно что... — тихо выдохнул он.

Инлинь от души расхохотался, качая головой:

— Ах, Чжу-эр! Ну и острый же у тебя ум, а язык и вовсе без костей! Воистину, зоркое сердце.

Поймав волну веселья, Цзя Чжу вскочил со стула и с самым серьёзным видом совершил глубокий поклон перед растерявшимся Цзэцинем.

— Низжайший поклон почтенной супруге нашего учителя! — провозгласил он звонким голосом.

Склонившись до самого пола, он незаметно скорчил Сюю весёлую рожицу.

«Уж сколько времени я за вами наблюдаю! Неужто не разглядел бы очевидного? Пусть приличия не позволяют учителю открыто объявить Су Цзэцзиня своим спутником жизни, но ведь он так и ждал, пока мы сами обо всём догадаемся!»

Эта дерзкая шалость не только не разгневала Инлиня, но, напротив, несказанно его порадовала. Он довольно закивал, мысленно восхищаясь сообразительностью ученика. Он поспешно отвернулся. Вспыхнув густым румянцем, он смущённо пробормотал:

— Глупости какие... Не мели чепухи.

Впрочем, в его тихом голосе не слышалось и тени обиды.

— Учитель, а батюшке известно о возвращении господина Су? — поинтересовался Сюй.

— Жухай узнал об этом ещё в полдень, — кивнул Инлинь. — Просто не успел вам сообщить. Вместе с Цзинь-эром в столицу прибыл и его старший соученик, почтенный даос Ванчэнь. Сегодня у него нашлись неотложные дела, так что в усадьбе он появится лишь завтра.

Чжу и Сюй послушно закивали. Допив чай, они почтительно простились с хозяевами, и Инлинь отправил их спать. До самого рассвета покой усадьбы больше ничто не нарушало.

<http://bllate.org/book/18221/1752244>